

А. В. Саянский

Три месяца в бою

Дневник
казацкого
офицера

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ. СВИДЕТЕЛЬСТВА

Первая мировая. Свидетельства

Леонид Саянский

**Три месяца в бою. Дневник
казачьего офицера**

«Неолит»

1914

УДК 94(47)

ББК 71.1

Саянский Л. В.

Три месяца в бою. Дневник казачьего офицера /
Л. В. Саянский — «Неолит», 1914 — (Первая мировая.
Свидетельства)

ISBN 978-5-91134-836-6

Мир XX века и, в определенной мере, сегодняшний мир – порождение Первой мировой войны, ее нечеловеческого напряжения, ее итогов, которые тогда казались немыслимыми огромному большинству тех, кто был современником и участником событий первых военных месяцев. Один из этих очевидцев – автор дневника, казачий офицер, у которого хватало сил вести повседневные записи в боевой обстановке и который проявил недюжинную гражданскую смелость, опубликовав эти записи в тяжелый для России и русской армии 1915 год. Достоинства дневника неоспоримы. Автор наблюдателен, искренен, он не только описывает увиденное и случившееся, но и размышляет над происходящим, он хорошо владеет пером, но его дневник – не военная публицистика, которую он резко отвергает. Читая дневник, мы слышим живой голос человека, не обремененного ни знанием будущих событий, ни задачами военного репортера.

УДК 94(47)

ББК 71.1

ISBN 978-5-91134-836-6

© Саянский Л. В., 1914

© Неолит, 1914

Содержание

«Быть участником мировой войны...»	6
Предисловие	8
Дневник казачьего офицера	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Леонид Викторович Саянский

Три месяца в бою: Дневник казачьего офицера

СОВМЕСТНЫЙ ПРОЕКТ

*Государственной публичной исторической библиотеки России и издательства
«ФОРУМ»*

«Быть участником мировой войны...»

19 июля 1914 года Германия объявила войну России. Этот день – по новому стилю 1 августа – стал первым днем Первой мировой войны.

День спустя Анна Ахматова писала:

Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затмения небесных светил.

Страшное ахматовское пророчество сбылось.

Война, в которую в короткое время были втянуты великие и малые европейские державы, по мере развертывания грандиозных событий стала поистине Мировой. Боевые действия, помимо европейских фронтов, велись в Азии, Африке, мировом океане. Продолжавшаяся более четырех лет Первая мировая война привела к необратимым переменам. Исчез миропорядок, долгие десятилетия казавшийся устойчивым и разумным, рухнули великие империи, перекроены были европейские границы, произошли кардинальные сдвиги в социальных отношениях.

Мир XX века и в определенной мере сегодняшний мир – порождение Первой мировой войны, ее невиданного дотоле нечеловеческого напряжения, ее итогов. Итогов, которые казались немислимыми большинству современников и участников событий первых военных месяцев.

Об этом есть смысл напомнить сейчас, в преддверии столетия начала Первой мировой. И, право, неразумно и грешно именовать ту войну «забытой».

Другое дело, что наша историческая память избирательна и несовершенна, а наши знания о событиях вековой давности полны пробелов. Восполнить эти пробелы и должен в какой-то мере дневник казачьего офицера, точно озаглавленный автором «Три месяца в бою».

Перед нами в высшей степени редкое – и уже одним этим ценное – непосредственное свидетельство очевидца – русского офицера, у которого хватало сил вести повседневные записи в боевой обстановке и который проявил недюжинную гражданскую смелость, опубликовав эти временами наивно-восторженные записи в тяжелый для России и русской армии 1915 год.

Достоинства дневника неоспоримы. Автор наблюдателен, искренен, он не только описывает увиденное и случившееся, но и склонен к размышлению над происходящим. Интересны зарисовки фронтового быта, рассказы о боевых стычках, попытки понять сильные и слабые стороны противника. Ценность дневниковых записей в их непосредственности, в свежести авторского восприятия. Автор хорошо владеет пером, но его дневник – не литература, не военная публицистика, которую он резко отвергает. Читая дневник, мы слышим живой голос человека, не обремененного ни знанием будущих событий, ни задачами военного репортера.

Кто он, автор дневника Леонид Викторович Саянский? О себе он пишет неохотно, скупно. И все же. Он – молодой кадровый офицер, вероятно, из семьи потомственных военных – его отец и брат участвуют в боях. Женат и бездетен. Служит он, вероятно, в чине подъесаула (генерал называет его корнетом) в Забайкальском казачьем войске, что вовсе не означает его принадлежность к казачьему сословию. Служит при штабе, умеет водить автомобиль и мотоцикл, но выше всего ставит кавалерийскую атаку, мечтая о днях, когда казачьи лавы помчатся по Венгерской равнине. Он спортсмен и воспекает спорт. Военную службу осознает как призвание и долг. В начале августа он записал в дневнике: «Быть участником Мировой войны! Это счастье».

Фронтные будни отрезвили молодого офицера. В дневнике появляются толстовские нотки осуждения страшной бойни, но завершают дневник гордые строки: «Три месяца, проведенные мною в борьбе, дают мне сознание, что и я принес свою посильную пользу вскорившей меня моей Стране». В победоносном для России исходе войны он, человек чести, не сомневается.

Читатель без труда может проследить – при желании и по карте – боевой путь казачьего офицера. Война началась для него, когда перед ним были мощные хребты Хамар-Дабана, когда он наблюдал «звездную, мистически спокойную Даурскую ночь». Далее был военный эшелон, идущий на запад, пограничные бои в Восточной Пруссии, занятые русскими войсками Львов, выход армии к предгорьям Карпат. В дневнике переплелись записи, сделанные на передовой и в тылу. За три месяца боев автор был и офицером связи, и разведчиком (участвовал и в авиаразведке), и командиром пехоты.

Его свидетельства точны и во многих случаях подтверждаются иными источниками. Действительно, мобилизация армии прошла успешно. Действительно, в первые месяцы войны наблюдался высокий патриотический настрой офицеров и солдат. Действительно, и тогда существовал разрыв между настроениями в тылу и на фронте. Собственно об армейских проблемах автор пишет сдержанно, что понятно в условиях войны, но верно подмечает недочеты в организации связи и необходимость осознать, что современная война не только порыв, кавалерийская атака и штыковой бой, но прежде всего – война машин.

«Дневник казачьего офицера» был напечатан, когда неясен был исход Великой войны, когда далеко непредставима была трагическая для России развязка событий. Не стоит гадать, как сложилась дальнейшая судьба автора дневника, боевого офицера русской армии, но мы должны благодарно помнить о тех, кто, как он, оставался верен долгу.

Профессор Н.И. Цимбаев

Предисловие

Три месяца. Что такое три месяца в сравнении с годами жизни? – подумается тому, кто возьмет в руки мой отрывочный дневник.

Да. Три месяца – ничто, но то, что пережито в эти три месяца каждым из нас, из тех, кто дрался, – громадно. Так громадно, что только теперь, когда мы по очереди уходим из этого ада, раненые, больные и контуженные, только теперь мы начинаем, уже успокоившись в мирной обстановке, сознавать ту перемену, какую совершила в нас эта война. Она изменила взгляды. Она изменила вкусы и привычки. Она научила многому, и она изменила смысл жизни.

И многие, кому суждено вернуться с адского поля нынешней страшной войны, придут домой другими людьми, не такими, какими уезжали когда-то из дому под крики «ура», сопровождавшие отходивший воинский поезд. Для тех, кто не был на войне, она никогда не будет понятной, яркой и вполне представляемой. К ним война доходит сквозь разные призмы: или смягченная расстоянием и временем от совершившихся ужасных фактов, или же прикрашенной эффектами, созданными досузей фантазией корреспондентов, редко видящих что-либо кроме опустелых путей войны, судя по которым они создают свои красочные и часто мало-правдивые описания того, что творилось на этих пустых теперь полях тогда, когда их, этих корреспондентов, там не было еще, да и не могло быть в силу правил о военных корреспонденциях с поля битв.

Тем интереснее, я думаю, для каждого мирного гражданина будет проследить изо дня в день все три месяца за той жизнью, которая носит название «боевой».

Что же касается частой отрывочности и разбросанности моих строк, да простит мне читатель, – ведь они, эти строки, часто писались в обстановке почти невозможной для письма.

Автор

Дневник казачьего офицера

18 июля

Итак – война! «Войнишка», как ласкательно говорят у нас.

– Эх! Войнишку бы Бог дал! – вздыхали мы еще так недавно, томясь бездействием мирной жизни. Изю дня в день одно и то же, малозаметное, привычное дело. Пресловутая «словесность», конные ученья и «пеше по конному» и все прочие, так надоевшие отделы нашей науки. Вот когда они пригодятся. Посмотрим, что-то даст наша работа, наша подготовка теперь, на этом мировом экзамене нашей армии.

Работы уйма! Какая громадная машина, какой мощный организм, – любой из наших полков. С утра и до поздней ночи сидим в канцеляриях, и, право, порой, ум за разум заходит. Все, что готовилось втайне, создавалось на бумаге в течение долгих месяцев, – все это должно быть сделано и стать фактом; все эти пустые на вид цифры должны в возможно короткие сроки превратиться в ряды людей и лошадей, накормленных, одетых и снабженных всем, что нужно будет им для боя. Наш командир почти не спал. Адьютант тоже. Они с раннего утра здесь и лихорадочно работают. Пугает мысль, что наша часть может не пойти туда, на далекий для нас запад.

19 июля

Работа кипит. Подходят партии запасных. Пьяных нет. Особого унынья, за исключением редких случаев, – незаметно. Большинство серьезно, меньшинство – веселится и с шутками является на свой старый казарменный двор, покинутый ими так недавно.

Запасные этого года довольны.

Это и лучше, что война теперь будет, – разъяряет один лихач-парень в щегольской одежде.

По крайности еще ничего такого не завели, чтоб бросать жалко было. Для тех-то, кто ране нас ушел, вбездеречь тяжелее, потому с насиженного уходить надоть!

Да и правда. Для нас, людей, живущих войной и ее ожиданием, грядущая война будет лишь периодом кипучей работы, более рискованной, чем в мирное время. Ну, а для пахаря, для мелкого торгующего, служащего и всех этих тысяч и тысяч – призываемых?

И все-таки они идут молодцами. И все озлоблены против «немца». Даже и те, кто и немцев-то почти не видал.

Великая вещь война – которая созрела в душе народа.

И все эти поговорки:

Что русскому здорово, то немцу – смерть, и песенки про «Немца, перца, колбасу» и пр.

Все это, выливаясь в общую чашу народного недовольства немцами, – все всколыхнуло и претворило полускрытый смех в явное негодование. Начались манифесты, но в слабом размере.

20 июля

Вот она! Война, которую ждали так долго. Долго она висела над нами. Ну, что же, чем скорее и сильнее стряхнем мы ее с плеч России, тем лучше.

Теперь уже все вырешено. Еще вчера и третьего дня мы боялись, чтоб мобилизация не кончилась впустую. Какая громадная разница с прошлой войной! Офицеров на улицах встречают с восторгом. Качают и носят на руках.

26 июля

Прошла неделя почти, как я не брался за свой дневник. Началась мировая война.

Столько впечатлений сразу, что буквально не знаешь о чем писать.

О том ли громадном, неслыханном воодушевлении, которое охватило нашу родину; о той ли колоссальной созидательной работе над пополняющей свои боевые ряды армии; о своих ли личных переживаниях... Но в это время живешь жизнью толпы и личные впечатления и переживания как-то ускользают, не фиксируются в уме. Все почувствовали себя не «обывателями», а «гражданами» и, в качестве таковых, живут широкой жизнью, захватывающей интересы целого мира. Хотя есть и оставшиеся «обывателями». Не далее как вчера закрыты три магазина за самовольное повышение цен. Офицерские магазины полны народа. Всякие крючки, ремешки, антабки и свистки берутся нарасхват и втридорога.

Кое-кто из более опытных не покупает ничего, а только исправляет старое, заменяя старые ремешки крепкой сыромятиной. Так-то, пожалуй, надежней будет! А все эти новые и новейшие снаряжения только полопаются зря и будут брошены в первом же деле.

По улицам бродят, во всем с иголки, только что выпущенные офицеры и призванные прапорщики. Первые выглядят уверенными и донельзя горделивыми, вторые – беспомощными и будто что-то потерявшими.

В городе страшное оживление. Конечно, за счет военных. Они везде. На скэтингах, в театрах, в кафе и т. д.

Все веселы и довольны. Особенно рада молодежь.

Да я и по себе сужу. Если мой полк не пойдет – уйду, как-нибудь, да уйду!

30 июля

Чудный день. На площади перед нашими казармами длинные коновязи. И пестрит в глазах от бесконечного разнообразия мастей приведенных издалека по конской повинности лошадей.

Именно на этой площади сборный пункт для крестьянских лошадей. Городские и вообще местные лошади собраны на других площадях, а здесь все мелочь; та мелочь, которая потом будет таскать высокие двуколки по всем направлениям и дорогам, напутанным среди наших западных границ.

И при взгляде на безропотно унылую морду пегого меринка, застывшего с клочком сена в распушенных вяло губах, невольно казалось странным то, что этот меринок через два, три месяца будет свидетелем и участником мировых событий... А если ему повезет и выдержит его привычное к соломенной резке брюхо тяжесть длинных перегонов по бесконечным болотам нашего Запада, то попадет и в Берлин, быть может, и будет так же вяло муслить клочок немецкого уже сена, стоя в своей привычной упряжке на Унтер-дер-Линден.

Вокруг шум и гвалт. Приводят и уводят лошадей. Одни рады, что лошадь не взяли, другие наоборот, что взяли и хорошо заплатили.

Поди, разбери вот, до чего сложно перепутались жизненные интересы миллионов людей!

Для кого война – горе, а многих она обогатит. На наших эскадронных дворах творится что-то необычайное. Ходят разнообразно одетые типы. Кто в полушубке, несмотря на 27° в тени, кто в яркой цветной рубахе, а кто и в очень оборванном виде. И только одетые у большинства набекрень желто-синие фуражки показывают принадлежность этих незнакомцев к нашей семье.

На манежах по утрам кипит работа. Бесконечными лентами тянутся смены, бегающие по кругам.

Жарко уже. По лицам всадников и по запавшим бокам лошадей течет пот. Пыль надела густыми хлопьями и распудрила до неузнаваемости лица даже хорошо известных людей.

Мерный топот и шелк подков, лягг стремян и шашек, хлопанье манежных бичей и певучие оклики гоняющих смены унтер-офицеров – все сливается в знакомую мелодию конной работы.

Началась рубка. Мало привычные, или, вернее, отвыкшие всадники, мажут по гнущимся лозам, теряют шашки, ломают прутья... Офицеры из сил выбиваются, езда от одного к другому, показывая, убеждая, объясняя до хрипоты...

Ругани почти нет. Не до нея. Ругаются в мирное время, когда есть время для лишних слов и когда нужно подбодрить ослабевшее внимание раскисших всадников.

Теперь не до того. Всех охватила лихорадка – как можно скорей изготовиться к бою в новом, собранном по мобилизации составе.

– Руби, как по немцу! Ты, белобрысый! – кричит офицер, галопируя рядом с летящим мимо чучел рядовым.

– Руби же! Или у тебя сердца нет? Ну, обозлись, бей, будто б он тебя обидел!

Немолодой уже дюжий парень, слушает одним ухом; он нагнулся к гриве коня и нервно шевелит опущенной для лучшего размаха шашкой. Вот прут!

– Ну?! – вскрикивает молодой корнет рядом.

Рраз! Сверкает тяжелая шашка и зверское – Гек! – вырывается из груди рубанувшего от души драгуна. Прут прямо, не валясь, соскакивает перерубленным местом вниз, в руки ловящего его другого драгуна, быстро вставляющего новый прут в крестовину подставки.

В другом месте, перед высоким хворостяным барьером, «херделем», замялся драгун. Замялся именно он, а не конь, прыгавший через этот хердел сотни раз. Трухнул маленько отвыкший от прыжков здоровяк запасной, дернул руками неловко и сбил лошадь с расчета.

– Назад!

И снова летит сюда. Зажмурился... Опять струсил! Конь почувствовал этот страх, и опять «закидка». С двух-трех раз только прыгает он. И нужно его заставить прыгнуть и заметить вовремя все, что нужно, и помочь ему советом...

Среди запасных выделяются своей уверенностью «старики», или «действительные», как говорят про себя кадровые драгуны. Лихо и ловко пускают они своих напрыганных коней на высокий и косматый «хердел» и плавными, саженными бросками перекидываются через него со всей силой разогнанного карьером слитого с лошадьёю многопудового тела...

На других дворах пестреют ряды наклеенных на длинные доски мишенек и шеренги запасных усиленно шелкают затворами винтовок. Лица серьезные, и в глазах яркое желание попасть «под середину» мишени.

Да, много еще работы! И все лихорадочной. Не по дням, а по часам создается все новое и новое, и крепнет уверенность в людях и в конечном, успешном результате своей работы.

Завтра еду за запасными в один из наших глухих, горных углов.

3 августа

Сейчас вернулся из казарм, приведя туда еще сто сорок крепких машин, зовущихся солдатами. Сто сорок человеческих жизней!

И у большинства семьи. Не будь эта война так популярна в России, было бы тяжело их вести.

А теперь!

Даже там, в глухой пограничной станице, раскинувшей свои кровли под столбами вечных утесов Тункинских гольцов, в этой вечной глуши таежных и горных пространств, закипела ключом жизнь. И пустынный в это время белый меловой тракт окутан мелкой, белой пылью, поднятой непривычным движением. Целые кавалькады всадников едут навстречу. Заглядывают в тарантас и, видя военную форму, атакуют его. Едут рядом и обсуждают события и ловят жадно новости, запоздавшие на две недели. Даже флегматики и хитрецы буряты из местных «урочищ», и те не выдерживают «духа времени» и после обычного приветствия:

– Менду-у! Менду-мор! – заводят разговор о далеком, невиданном Западе, где живут неизвестные немцы, и о том, что творится там, и машут загорелой рукой туда, где на западе горит палевым светом под уходящим солнцем своим вечным снегом далекий Мунку-Сардык.

И только мощные массивы Хамар-Дабана, сверкающие серебром и золотом на своих причудливых, каменных гранях, да стены вековечной тайги, глухой и задумчиво-важной в сознании своей громадности, спокойны.

Они видели много! Вот в этом ущелье налево, что пропастью узкою упало среди мощных утесов перевала, наверное, не раз сверкало оружие и прихотливо-причудливое горное эхо носило, резвясь, по каменным утесам отраженные ими крики ярости боя, звон стали и свист стрел...

А тихая, звездная, мистически спокойная даурская ночь, заглядывая своим призрачным светом в оттененное пирамидами сосен и шапками кедров ущелье, слышала не раз смешивавшийся с рокочущим звоном горного ручья стон предсмертных мук.

И тут в этих горных узлах, тропки и пути которых неизвестны, шла борьба. Падали старые расы, и на их костях жили новые... наконец и они, эти не сохранившиеся теперь племена, ушли, разбитые стальными бердышами и фитильными рушницами наших пионеров-казаков.

Да, они могут стоять важно и спокойно, эти горы и сосны... Они пережили много. И то, что творится теперь на белом свете, – им не ново!

4 августа

Несчастье! Полк пока не идет. А так безумно хочется попасть *туда* теперь же...

Меня успокаивают многие.

– Успеете еще! Война еще не скоро кончится...

Ах! Как они не понимают, эти утешители, что нет сил сидеть тут, где газеты получают лишь на девятый день, и мучиться своим принужденным бессилием.

Конечно, я пешка, маленькая и незаметная, каких миллионы в этой кровавой мировой войне.

Но ведь и я смею думать, как хочу, и чувствовать полно и ясно, что то, что творится теперь, быть может, никогда не повторится...

Быть участником мировой войны! Это счастье. И если мне будет суждено уцелеть в этой войне – сколько нового и неизведанного я вынесу из нея! И наконец, как может не захватить душу всякого красота геройской защиты Бельгии!

Ведь это опять начало героического эпоса в жизни почти половины народов Европы!

6 августа

Ура! Через два дня еду. Устроился-таки! Хоть и жалко расставаться с родным полком и с теми людьми, из которых сам готовил бойцов, но... что поделаешь, если они пока еще не идут... Дома слезы. Отец уже уехал. Я уезжаю. Брат бредит добровольцами. Матери тяжело...

Жена... Ну, что же! Буду жив, буду и счастлив! В сущности нам, военным, не стоит жениться. А если уж и жениться, то только на женщине, обеспеченной своим трудом. Да и верно, чем жить жене молодого убитого офицера? Убьют меня, я знаю, что жена не пропадет. У ней свое дело; она молода; авось будет и счастлива потом. Не я ведь один на белом свете! Это меня не заботит. Но неосторожным людям, успевшим в чине штаб-ротмистра развести целый выводок Колей и Ваней, – тяжеловато.

9 августа

Как во сне промелькнули заплаканные лица родных и мелькание белых платков в конце уплывавшей назад из глаз платформы.

Гремят колеса, качается длинный вагон. По коридору и в купе суетятся пассажиры.

Раньше, когда я ездил по своим делам, эти первые моменты пути были самыми интересными. Устраиваешься поудобнее; познакомишься с пассажирами; смотришь на расписание и составляешь план, – где обедать, где ужинать. И чувствуешь себя свободным, как бы стряхнувшим обыденность жизни на месте в течение долгого времени, жизни, незаметно опутывавшей человека своей серой паутиной «обывательщины». А теперь этого чувства нет. Нервы напряжены, как перед экзаменом.

Еду на войну. Это не шутка. Еду в неизвестность, и Бог знает, суждено ли мне увидеть снова эти бегущие мимо окон пожелтевшие березы и вечно юную зелень родных сосен и елей.

Глаза напряженно ловят эти летучие пейзажи и стараются без фотографического аппарата зафиксировать их в памяти.

Чтобы потом, в далеких, чужих краях, на границе смерти, иметь хоть минуту хороших воспоминаний о любимой родине, о близких людях, нераздельно с ней связанных.

Мой эшелон впереди. Мы нагоним его дня через три. Пока я и трое еще, нагоняющих также свои ушедшие уже части, едем как пассажиры.

И вот теперь мы чувствуем полно и ярко все привилегии свободных пассажиров.

Мы упиваемся ими.

– Пора обедать пожалуй, уже три скоро, – провозглашает мечтательным, желудочным тоном симпатичный доктор В***, которого мы за его громадную фигуру прозвали «чемпионом».

– Ну, нет! – протестуем мы.

Что из того, что скоро три? Мы пока еще не в эшелоне... Там успеем пожить по расписанию... А сейчас мы, может, последние дни в нашей жизни, едем как пассажиры, как туристы... Захотим есть – и поедим, хотя бы и в семь часов утра... Какое удовольствие иметь возможность есть тогда, когда хочется... «Там» ведь этого удовольствия мы не встретим. Захочется есть – обозов нету. Не хочется есть, а обед готов и обозам после него надо уходить. Значит, нужно есть про запас, «на будущее время», ибо, быть может, и не придется обедать скоро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.